

A colorful illustration of a piglet and a rabbit. The piglet, wearing a green shirt, is perched on a tree branch on the left, looking towards the right. The rabbit, wearing a red shirt and blue striped pants, is perched on a tree branch on the right, looking towards the left. The background shows green foliage and a light sky.

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

ПОЮЩИЙ ПОРΟΣЁНОК

«РОСМЭН»

ПОЮЩИЙ
ПОРΟΣЁНОК

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

ПОЮЩИЙ ПОРΟΣЁНОК

*Сказка в двенадцати главах
с грустным началом и весёлым концом*

Художник В. Коркин

МОСКВА «РОСМЭН» 1997

**ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой Заяц с Поросёнком
едят землю, чтобы дружить до гроба**

Ранним-ранним утром по лесу шёл Поросёнок и, всхлипывая, выкрикивая сквозь слёзы слова, пел:

Я — ПОРОСЁНОК!
Я — ПОРОСЁНОК!
ОТ БАБКИ ДАРЬИ Я УШЁЛ!
Я — ПОРОСЁНОК!
Я — ПОРОСЁНОК...

Он остановился и, глядя перед собой невидящими глазами, громко сказал:

— Я её люблю, а она говорит: зарежу. Именины у меня... Хрену, говорит, натру, противень вычищу, тебя, меня то есть, зарежу, зажарю, гостей позову.

Поросёнок сел в траву, обхватил передними ножками голову и разрыдался.

— А я ей говорю: как же вы, Дарья Ивановна, без меня жить станете? А она говорит: поскучаю, конечно, — ты у меня за место радио был: вечно поёшь; а теперь зато тихо будет!

Поросёнок поднялся и, не замечая ничего кругом, пошёл дальше.

— А я ей говорю: это я для вас пел, чтобы вам не скучно было, а я и молча могу... А она говорит: а чем я гостей угощать буду, когда именины наступят? А я ей говорю: оладушками.

Тут Поросёнок снова остановился.

— А она говорит: кто же в день ангела оладушки ест? Представляете? — обратился Поросёнок к деревьям. — Нет, говорит, прощаться нам с тобой предстоит: дядь-Васю позову, он тебя и чикнет.

Поросёнок, рыдая, повалился в траву:

— Представляете? Зарежет, то есть. Видел я этого дядь-Васю: ножик у него — во!

Из-за куста выскочил Заяц.

Поросёнок, не шевелясь, ничком лежал в траве.

— Эй! — на цыпочках подкрался Заяц. — Ты кто такой?

— Индюк, — глухо сказал Поросёнок.

— Не-ет... Ты — Поросёнок, — неуверенно сказал Заяц, он никогда ещё не встречал в лесу поросят.

— А чего спрашиваешь?

— Как чего? Если который зверь с другим каким зверем в лесу встречается, должен знать: кто? куда? откуда?

— Кто? Куда? Откуда? — быстро спросил Поросёнок.

Заяц отпрыгнул, встал столбиком:

— Заяц. По делам. Из дома!

— Это кто же такой закон придумал?

— А все... придумали! Зато все всё знают. Вот бежит Волк, а я кричу: «Кто? Куда? Откуда?» А он: «Волк. К Зайцу. От Волчихи». И я уже знаю: за мной. Или, скажем, Лиса...

— А ты что, так догадаться не можешь? — спросил Поросёнок.

— Что?

— Что — за тобой?

— Могу, — сказал Заяц.

— А зачем спрашиваешь?

— Ну... — Заяц замялся. — А вдруг ошибся? Вот сегодня: сижу, бежит он вроде, мимо бежит, а я чу-увствую... Крикнул: «Кто? Куда? Откуда?», а он: «Сам видишь. К тебе. Из дому!» И — повернул. Я — дёру. Он — за мной. Еле ушёл.

Заяц внимательно поглядел на Поросёнка.

— А ты чего плачешь?

— Сбежал я, — вздохнул Поросёнок.

— Ты?!

— Я.

«Интересно, от кого можно сбежать на таких ножках?» — подумал Заяц. Но всё же спросил:

— От кого?

— От Дарьи Ивановны.

— А-а-а.. Бабка Шмелёва... — разочарованно протянул Заяц. — Так у неё ж — ни ноги, ни дышалки. От неё сидя бежать можно.

— Как это?

— Ну, бежишь и одновременно как бы телевизор смотришь, чайком балуешься.

— А если прыгнуть надо?

— И прыгнешь.

— А телевизор?

— И телевизор — он же воображаемый!

— А чай? — всё больше радовался новому знакомству Поросёнок.

— Что — чай?

— Чай. Он же расплещется!..

— Не-а. Маленькими глоточками пей — и всё!

— А у тебя было... — Поросёнок поглядел прямо Зайцу в глаза. — У тебя было вот чтобы ты убежал и тебе... жалко стало?

— Не-а. Я ж всё время бегу.

— Ну, чтобы ты вот убежал, а потом — тебе жалко?

— Не-е, — замотал головой Заяц. — Мне же сразу снова бежать надо. Ну, разве что от Филина?.. Я его дразнить люблю. Ух! Ух! — поухаю, он — за мной, я — от него, убежишь — и жалко!

— А я вот от Дарьи Ивановны ушёл, — сказал Поросёнок. — И жалею...

— А ты бы остался.

— Как же? — Поросёнок утёр слёзы. — Резать она меня собралась.

— Ох-хо-хо!.. — вздохнул Заяц.

— Не ешьте меня, говорю, Дарья Ивановна, вместе прожили сколько... А она: а чем я гостей угощать буду?

— Ну и бабка!..

— День ангела у неё. — Поросёнок снова расплакался. — Что ж мне теперь делать, Заяц? Я же в лесу жить неприспособленный!..

— Приспособишься, — сказал Заяц.

— Да, пока одичаю, меня сто раз Волк съест, змея задушит, охотник убьёт...

— Охотник не убьёт: охотничий сезон ещё не открылся, — резонно заметил Заяц. — Змея не задушит: нет такой змеи, чтоб Поросёнка душить. А от Волка ты на дерево вскарабкаешься.

— Я?

— А кто же? Вот слушай. — И Заяц сел рядом и зашептал Поросёнку в ухо: — Дед у меня циркачом был, учил по деревьям лазать; лесенку сплёл, на дуб повесил, чтоб я от волков, от лисиц спасался. Залезу, бывало, лесенку за собой втяну и — сижу...

— А где лесенка? — спросил Поросёнок.

— Здесь, на поляне.

— Давай дружить! — сказал Поросёнок.

— Давай! — сказал Заяц.

— До гроба?

— Ага! — сказал Заяц.

- Клянёмся?
- Как? — спросил Заяц.
- На! — И Поросёнок протянул Зайцу щепоть земли.
- Что это?
- Земля.
- Зачем?
- Говори: «Клянусь в дружбе до гроба!» — и ешь землю.
- Клянусь в дружбе до гроба! — торжественно сказал Заяц и протянул Поросёнку землю. — И ешь!
- Не я «и ешь», — сказал Поросёнок, — а ты «и ешь»!
- Сперва ты, — сказал Заяц. — Я потом съем.
- Клянусь в дружбе до гроба! — торжественно сказал Поросёнок и зачмокал.
- Ну как? — спросил Заяц.
- Сухенькая.
- Тебе хорошо: ты каждый день землю ешь, а мне трудно.
- Что ж здесь трудного?
- А с непривычки, — сказал Заяц. — Давай я лучше коры поем.
- Я бы с удовольствием, но — нельзя, — аппетитно чавкая и причмокивая, говорил Поросёнок, — порядок: когда в дружбе клянутся, землю едят.
- Клянусь в дружбе до гроба! — сморщившись, прошептал Заяц и стал медленно жевать землю. — Тьфу! Гадость какая!
- Жуй-жуй.
- А ещё ругал наш закон, — с набитым землёй ртом ворчал Заяц. — Там хоть есть ничего не надо.
- Поросёнок чавкал, причмокивая.
- Сколько же ты мне земли дал? — спросил Заяц.
- Меру.
- Для всех, что ли, мера одна?
- Зайцу казалось, что земля у него всюду — во рту, в носу, в ушах.
- Для всех.

— А если маленький?

— Зато дружба большая будет!

Заяц наконец проглотил землю и запрыгал по поляне.

— Как же тут не дружить? — кричал он. — Когда земли столько съели! Ну, берегись, Волк! Берегись, бабка Дарья Ивановна! Нас теперь не возьмёшь: мы землю ели!

А Поросёнок запел:

ЗАЯЦ С ПОРОСЁНКОМ,
ПОРОСЁНОК С ЗАЙЦЕМ
ВМЕСТЕ ЕЛИ ЗЕМЛЮ,
ПОТОМУ — ДРУЗЬЯ.
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ПЕСНИ,
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ДРУЖБЫ,
А УЖ ДРУГ БЕЗ ДРУЖКИ —
НАМ СОВСЕМ НЕЛЬЗЯ!

— Ну, ты даёшь!.. — восхищённо прошептал Заяц.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

**в которой
сперва появляется Волк,
а потом бабка Дарья Ивановна**

Поросёнок с Зайцем пели и плясали, а в это время к дому бабки Дарьи Ивановны Шмелёвой подбирался Волк.

Но только было он собрался лечь на брюхо и поползти к сарайчику, где, как он знал, жил Поросёнок, как...

— Кар-р-р! — гадко закричала Ворона. — Кто? Куда? Откуда?

Волк дёрнулся, встал по стойке смирно, доложил:

— Волк. Из лесу. За Поросёнком.

— Так бы и говор-р-рил! — захлопала крыльями Ворона и улетела.

— Тьфу! — сплюнул Волк. Лёг на брюхо, пополз.

Вот он подполз к сарайчику, прислушался.

Было тихо.

— Напугала старая! — бормотал Волк. — Всё ей надо знать — кто, куда, откуда? Разве не видишь — к деревне вышел, значит, оголодал, значит, за Поросёночком розовеньким соскучился.

Волк понюхал воздух:

— Пахнет!

Толкнул дверь сараюшки:

— Заперта! Поросёнок, а, Поросёнок! Это я, Волк, слышишь? Давай поразговариваем!

Волк устроился поудобнее:

— Ты книги читал? Не читал. А я начитанный. Ты мне кто? Ты мне — друг всегдатошний. Счас подкопчик подкопаем под стеночкой...

И Волк стал скрести лапами:

— Тебя, кругленького, вытащим. А? Ты чего молчишь?

Было тихо.

— Сил моих нет, — сказал Волк и сел. — Ффу-у! Отдохну!

Поросёнок молчал.

— Вот молчит, всё молчит, молчальник какой! Я тебе так скажу: нельзя всё в себе таить — лопнешь! Надо поделиться. Вот мысль какая придёт, ты и выскажи. Слышишь, что ль? — Волк поскрёб дверь когтем. — Для чего жизнь тебе, Поросёнку, дана? Или мне? Или хозяйке твоей, Дарье Ивановне? А чтоб побеседовать, мыслями промеж собой поделиться! Вот я, к примеру, кто?

Волк прислушался.

— Вот я, к примеру, кто? — повторил Волк. — Я — Волк! А ты кто? Ты — Поросёнок. То-то и оно, а она — бабушка. Вот мы все вместе живём, а не разговариваем. Да ты не молчи! Вот я сегодня иду по тропочке, мысли свои волчьи продумываю,

а тут — «кто, куда, откуда?» — пропускной пункт, а не лес, к слову сказать, — Заяц! Я — за ним, он — от меня, а разве это хорошо — до завтрака бегать? Ну, ты что там, умер?

Волк взобрался на крышу сарая.

— Ты что там, умер? — повторил Волк и стал дёргать щепу, бросать на землю. — Ты молчишь, и мы молчком; щепочка за щепочкой — будет дырочка; где лапа пройдёт — нос воткнём, где нос войдёт — голова вставится. Эй! — Волк засунул голову в образовавшуюся дыру. — Эй! Ты где? От страха небось в солому залез? А мы сейчас голову-то вытащим и вниз хвостом начнём погружение.

Волк опустил в дыру хвост:

— Эй! Слышишь, что ль? Хвост пошёл, теперь — ла-апы...

Волк задрыгал задними лапами, завертел хвостом.

— Поросёнок! Хватайся за хвост, слышишь?

И, плавно поводя хвостом, запел:

ЛОВИСЬ РЫБКА, БОЛЬШАЯ И МАЛЕНЬКАЯ!

ЛОВИСЬ РЫБКА, БОЛЬШАЯ И МАЛЕНЬКАЯ!

— Ага! Не хочешь. Не хочешь — не надо. Я про себя так скажу: не было ещё Поросёнка, который бы обдурил Волка.

И, спрыгнув на землю, запел:

ЖЁЛУДЬ, ЖЁЛУДЬ,

ЖЕЛУДЁК...

Стал что-то искать в траве.

— Ага! Нашёл! Из проволоочки сделаем крючочек, крючочек привяжем к хвостику... Та-ак! На крючок — жёлудь! А теперь — будем ловить!

И Волк снова влез на крышу, опустил в дыру хвост с крючком и, подпрыгивая, запел:

ЭЙ! ЭЙ!

НЕ РОБЕЙ!

НАМ НЕ ЖАЛЬ

ДЛЯ ПОРОСЁНКА

ЖЕЛТОКОЖИХ

ЖЕЛУДЕЙ!

Хвост с крючком и насаженным на него жёлудем так и запрыгал по сараю.

— Слышь? — разошёлся Волк. — Подпевай! Ты что, песню не уважаешь?

Но было тихо.

— А может, он это... глухонемой?! — И Волк с огорчением понял, что придётся лезть самому.

Но не успел повиснуть на передних лапах, как дверь распахнулась и на пороге появилась Дарья Ивановна.

— Волк! Карау-у-ул! — закричала бабушка.

«Вот, зарядкой не занимался, — пронеслось в Волчьей башке, — теперь и не подтянусь!»

— Карау-у-ул! Гра-а-абыт! — орала Дарья Ивановна.

«Лапки мои передние, выручайте!» — молил Волк.

Рванулся из последних сил, выскочил на крышу и — был таков.

А бабка, раскидывая солому, носилась по сараю, крича:

— Ирод! Поросёнка унёс! Поросёночка родненького! Весь лес обшарю, по травиночке переберу, а так этого не оставлю!

И бабка помчалась в лес с криком:

— Поросёнок ты мой! Поросёноче-е-ек!..

**ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
в которой лучший друг
лучшему своему другу не верит**

Заяц с Поросёнком прислушивались.
«Держи! Держи его!» — неслось по лесу.
— Бежит кто-то, — сказал Заяц.
— Прячемся! — крикнул Поросёнок.
И они спрятались за дерево, а на поляну выскочил Волк.
— Ну, дела! — замотал башкой Волк. — Бабка Шмелёва решила: я у неё Поросёнка унёс...
И — пропал.
А на поляну с веником в руке выбежала Дарья Ивановна.
— Держи! Держи его! — кричала бабка, размахивая веником. И скрылась за деревьями.
— Куда это они побежали? — спросил Поросёнок.

— Видать, подружились, как мы с тобой, — сказал Заяц. — Вместе землю ели.

«Держи! Держи его!» — затухая, неслоь по лесу.

— Интересно, что бы это он мог у неё украсть? — задумчиво спросил Поросёнок.

«Держи! Держи его!..»

— Теперь она ему задаст: её все волки боятся! — сказал Заяц.

На поляну, тяжело дыша, вернулась бабка Шмелёва, запричитала, опускаясь в траву:

— Соколик

ты мой ненаглядный! Поросёночек ты мой кругленький!

Уж как я тебя кормила-поила-холила... Что цветок маковый, поливала водичкой серебряной!..

— Врёт! Кормила очистками, — сказал Поросёнок.

— Уж глазки мои все проглядела, уж ноженьки мои оттоптала, как ходила за тобой, лелеяла!..

— Всё врёт! Никуда не ходила, глаза телевизором испортила, — сказал Поросёнок.

— Уж что я без тебя буду делать, жить как стану, одинёшенька?.. — ныла бабка.

— Жарить вечером собралась, за дядь-Васей пошла, — хмуро сказал Поросёнок.

— У, проклятуший! — Дарья Ивановна вскочила и погрозила кому-то веником. — Из-под земли достану! Я тебя научу средь бела дня воровством заниматься!

— Воровством заниматься, — повторил Заяц. — Что ты у неё украл?

— Ничего не украл, — сказал Поросёнок.

— Вор окаянный! Пропасти на тебя нет! — вопила бабка.

— Слышишь? — сказал Заяц. — Другу-то своему скажи...

— Что? Что говорить-то? — вскинулся Поросёнок.

Они сидели за толстым деревом и глядели на бабку.

— А что же она ругается? — спросил Заяц.

— Это она на Волка.

— Чего же ей Волка ругать? Волк во-он где, а мы — рядышком.

— Она же не знает, — сказал Поросёнок, — что мы — рядом.

— А-а-а... — закивал Заяц.

А бабка не унималась.

— Бандит! — кричала она. — В дом вошёл и пакостничать? Ну, я до тебя доберусь! Ну, только встренься!

Заяц искоса поглядел на Поросёнка.

— Чего глядишь? — спросил Поросёнок.

— Теперь ясно: это она про тебя, — вдруг сказал Заяц.

— Как же я теперь? — расплакалась бабка. — Что же я?..

— А говорил: «До гроба!..» — Заяц поднялся.

— Ты что, спятил? — снизу поглядел на него Поросёнок. — Про Волка она! Слышал, что он сказал?

— Волк всегда врёт.

— А тут сказал правду.

— Не может Волк правду сказать! — отрезал Заяц.

Бабка на секунду замерла, прислушалась; но было тихо.

«Примерещилось», — подумала бабка и заголосила:

— Где я ещё найду такого Поросёночка? И хрену-то приготовила, и противень вымыла-выскоблила, и гостей назвала!..

— Всё, как ты говорил, — сказал Заяц и сел. — Видать, ничего ты у неё не брал...

— Ну, я тебя найду! — вскрикнула бабка. — Ну, я тебе задам! Будешь знать, как одиноких старух обкрадывать!

Заяц снова поглядел на Поросёнка.

— Ну, что ты на меня уставился?

— Так она говорит: «обкрадывать», — смутился Заяц.

— Ты думаешь, я вор, да? Вор? Думаешь, взял у неё чего, — Поросёнок кивнул на бабку, — и в лес удрал?

— Ах ты поганец! — выла бабка. — Да можно ли так-то, у своего же — чай, рядом жили?..

— Рядом жили... — повторил Заяц.

И вдруг решительно встал:

— Если который друг, — сказал он, — с другим своим другом дружит, всю-всю правду говорить должен.

— Я и говорю: не брал я ничего! — крикнул Поросёнок. — От смерти спасся!

Бабка вздрогнула от поросячьего крика и завертела головой, оглядываясь.

Но было тихо, только большие солнечные зайцы скакали по поляне.

— И кто бы мог знать? — понемногу входя в голос, заговорила старуха. — Среди бела дня, посреди людей?..

— Слышишь? — прошептал Заяц.

— Если который друг, — передразнивая Зайца, сказал Поросёнок, — другому своему другу не верит — не друг он ему! Повернулся и пошёл в глубь леса.

— А ещё землю ели! — шёпотом вслед крикнул Заяц и поскакал в другую сторону.

**ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,
из которой мы узнаём,
что вместе с надеждой
нельзя съесть даже Поросёнка**

Поросёнок шёл по лесу, низко опустив голову. Он не глядел по сторонам. Ему было горько: лучший друг ему не поверил...

Где-то за кустами, за деревьями, вскрикивая, причитала Шмелёва, а Поросёнок шёл и шёл и вдруг — наткнулся на лесенку. Она свисала с большого дуба посреди поляны.

«Та самая», — подумал о лесенке Поросёнок, потрогал её ножкой, пошёл дальше.

И тут из-за куста выскочил Волк.

— Ой! — вскрикнул Поросёнок и кинулся обратно к поляне.

«Ха-а!.. Ха-а!..» — горячо дышал за спиной Волк и почти уже догнал Поросёнка, но в последний момент тот вскарабкался на дерево и втянул за собой лесенку.

— Во! — сказал Волк. — Никогда не видел, чтобы свиньи по деревьям лазали!

— А много ты видел, чтоб поросята по лесу бегали? — спросил с веточки Поросёнок.

— Это смотря какие поросята. — Волк сел. — Диких — видел, домашних — нет. У тебя клыки есть?

— Чего?

— Ну, зубы такие. — И Волк показал клыки.

— Нет, — ощупывая пяточок, сказал Поросёнок. — Таких нет..

— Значит, ты не тот.

— Не который?

— Не тот. У тебя клыков нет.

— Ну и что?

— Вот если б клыки!.. — сказал Волк. — Мы бы с тобой дружили. Ох! — и упал навзничь.

— Что с тобой?

— Эта... Миакарда.

— Что?

— Сердце лопнуло.

— Что ж теперь делать? — испугался Поросёнок.

— Капель бы... — застонал Волк.

— Каких?

— Да хоть ландышевых. Видишь, вся поляна в них. Спустишься, будь другом, ведь мы же теперь друзья!

— Когда? — удивился Поросёнок.

— Счас. С текущего момента. Ой! — вскрикнул Волк. — Помираю.

Поросёнок сидел на дереве и не знал, что ему делать.

— Я спущусь, а ты меня съешь, — сказал он.

— Не успею — умру. — И Волк застонал ещё жалобнее.

— А если б успел — съел?

Волк ничего не ответил. Распластавшись, он лежал под деревом.

— И лежи себе, — сказал Поросёнок. — Где это видано, чтобы Поросёнок Волку первую медицинскую помощь оказывал?

— Это будет в обществе будущего, — пробормотал Волк. Он лежал с закрытыми глазами и почти не дышал.

— А ты молчи: раз умер — не разговаривай.

— Я ещё не до конца умер. Я жду, когда ты меня спасти начнёшь, — сказал Волк.

— Это ещё зачем? — удивился Поросёнок. — Я тебя спасу, а ты меня съешь.

— Вот стоит рядом, — глухо сказал Волк, — глядит и гладит по голове.

— Кто?

— Смертушка! — торжественно сказал Волк.

— Щекотно?

— Что?

— Гладит. Если б меня кто погладил, мне бы обязательно щекотно стало. Я бы... — И Поросёнок захихикал.

— Кха-кха! — кашлянул Волк. — Ладно. Прощай, Поросёнок! Помираю.

— Нет!

— Что — нет?

— Не умирай!

— Тебе меня жалко, да? — Волк приподнялся.

— Жалко, — сказал Поросёнок.

— Почему?

— С тобой интересно. Другой бы сказал: спускайся, дай капель, я тебя не съем, а сам бы съел. Скучно! А ты говоришь: может, съем, а может, нет. Так веселее!

— Что ж тут весёлого? Ам, и всё!

— Тебе этого не понять. — И Поросёнок уселся на веточке поудобнее. — Тут есть надежда, а там — обман.

— А если надежда обманет? Ты надеялся, а я тебя съел?

— Нет, Волк, ты бы съел меня, а надежду ты съесть не можешь.

— Несъедобная, значит? Но я же тебя съем вместе с надеждой!

— А вот и нет! — Поросёнок поднял ножку и медленно сказал: — Вместе с надеждой никого съесть нельзя, даже Поросёнка.

— Если б ты знал, — помолчав, сказал Волк, — как с тобой интересно разговаривать! Вот так поговоришь, и кажется, есть

не хочется. — Волк приподнялся. — Спускайся, а? Сядем на этом, можно сказать, живом ковре, пообедаем...

— Нет. Меня не обманешь, — сказал Поросёнок.

— Почему? Ох! — Волк прижал когтистую лапу к сердцу, покачнулся и завалился на бок. Теперь он был совсем как мёртвый, и даже язык высунулся между клыков.

— Не шевелится, — прошептал Поросёнок. — Видно, умер: лопнуло волчье сердце. Спуститься или нет? Спустишь. Или — подождать? А вдруг он не обманывает и ему по-настоящему плохо? Ну, была не была!

И Поросёнок сбросил лесенку и осторожно, спиной к Волку, начал спускаться.

— Там сучок... Пониже, пониже бери... — шептал Волк. — Вот так.

— Разговаривает кто или листья шумят? — Поросёнок остановился.

— Никто не разговаривает. Все молчат, — одними губами выдохнул Волк, да так тихо, что и вправду могло показаться, что шелестит листва.

— А то я слышу, будто говорит кто-то...

— Нет-нет, тихо.

— Листья шумят, — решил Поросёнок, сошёл с лесенки, обернулся и...

**ГЛАВА ПЯТАЯ,
в которой у Зайца теперь
вся надежда на Волка**

— ХА-ХА-ХА! — страшной серой скалой навис над Поросёнком Волк.

— Ха-ха-ха... — только и смог еле слышно выдохнуть Поросёнок.

Но тут на поляну вылетела бабка Шмелёва с веником над головой.

— ХА-ХА-ХА! — передразнивая Волка, захохотала Дарья Ивановна. — Я тебе сейчас покажу, как нажитое грабить!

И она схватила Волка за хвост и принялась лупить его веником.

— Ап-чхи! Хищник! Пыльный какой! — расчихалась Дарья Ивановна.

Если б не пыль, не сносить бы Волченьке головы, но тут он рванулся, прыгнул и был таков.

Следом за куст прыгнул Поросёнок, но бабка, изловчившись, схватила его:

— Пстой, голубчик, погоди! Куда же ты, миленький?

— И-и-и!.. — тоненько завизжал Поросёнок.

— Стой! Не кричи! Сказала найду, и нашла! — И бабка Шмелёва засунула Поросёнка в мешок. — Не может быть, чтоб какой-то Волк у меня, у Дарьи Ивановны, Поросёнка украл.

И тут из-за куста выглянул Заяц.

— Глупый я, глупый, вот глупый-то! — бормотал он. — Не обманывал меня мой лучший друг! Клянусь дедом-циркачом — не обманывал!

И Заяц помчался за бабкой Дарьей Ивановной:

— Бабка Шмелёва! Бабка Дарья Ивановна! Отдай Поросёнка — он друг мне!

Бабка остановилась:

— Их ты! Заяц с ума сошёл: Поросёнка ему отдай!

Подкинула на плече мешок, пошла, бормоча:

— Поросёнка ему отдай! С ума сошёл!

А Заяц запрыгал по поляне, бубня:

— С ума сошёл! С ума сошёл! Что ж делать-то, а? С ума сошёл!.. К кому идти? К Волку? — Заяц испугался, огляделся по сторонам. — С ума сошёл! К Волку?.. — Заяц остановился. — С ума сошёл...

И вдруг радостно закричал:

— Ха-ха! С ума сошёл! Вся надежда теперь на Волка!

И убежал.

Сияло солнце, пели птицы, журчал ручей.

Через некоторое время на поляне снова появился Заяц. За спиной у него был туго набитый рюкзак. Заяц шёл, разматывая с катушки телефонный кабель, и пел:

ЗАЯЦ С ПОРОСЁНКОМ,
ПОРОСЁНОК С ЗАЙЦЕМ
ВМЕСТЕ ЕЛИ ЗЕМЛЮ,
ПОТОМУ — ДРУЗЬЯ...

И вдруг:

— Кар-р-р! Кто?
Куда? Откуда?

Заяц встал по
стойке смирно,
доложил:

— Заяц! В лес!
С телефонной
станции!

— Так бы и говор-р-рил!
— хлопая крыльями,
прохрипела Ворона.

А Заяц, толкая перед
собой катушку, скрылся
в лесу.

Но скоро снова появился уже без катушки, без рюкзака. Теперь он внимательно оглядывал деревья, кусты, кого-то искал.

— Волк! Волк! — позвал Заяц.

«Далеко, видать, убежал, не слышит», — подумал косой телефонист и снова закричал:

— Волк! Волк! Оглох, что ли? Во-о-олк!..

И тут, разинув жаркую пасть, из кустов выскочил Волк. Заяц, как стоял, так исчез.

**ГЛАВА ШЕСТАЯ,
в которой по Зайцу пошла горечь**

— Ну и денёк! — прохрипел Волк. — То свиньи по деревьям лазают, то зайцы сами Волка зовут. Ты где?

— Здесь, — глухо, из-под земли, донёсся голос Зайца.

— Где?

— Тут я, тут.

Волк обхлопал вокруг себя лапами:

— Тут?

— Угу.

— Тут?

— Ага.

— Да где же ты?

— Здесь я! — За спиной Волка появилась голова Зайца.

— Где? — Волк обернулся.

Голова исчезла и снова появилась за спиной Волка:

— Здесь!

— Стой! Не шевелись! — Волк, не оборачиваясь, стал шаривать позади себя лапой.

— Хи-хи-хи! — рассмеялся Заяц.

— Ты чего?

— Щекотно!

Волк резко обернулся — Заячья голова исчезла.

— Так тебя же нет!

— Всё равно щекотно, — сказали из-под земли.

— Так. Говори, где ты? — строго велел Волк.

— А ты никому не скажешь?

— А что?

— Это — тайна, — шёпотом сказал Заяц.

— Не скажу.

— Побожись.

Волк чиркнул когтем по горлу:

— Ну, чтоб я!..

— Ш-ш-ш! — зашептал Заяц.

— Что?

— Наклонись пониже.

Волк припал ухом к земле.

— Я — под землёй, — сказал Заяц.

— Где-е?

— Под землёй, — сказал Заяц.

— А что ты там делаешь?

— Разговариваю.

— С кем?

— Сейчас — с тобой.

— А вообще?

— Вообще, кроме тебя, я здесь ещё ни с кем не говорил.

Я тут недавно. А ты?

— Что?

— Ты что сейчас делаешь?

— Я? Я... сижу, разговариваю...

— С кем?

— С кем? — сам у себя спросил Волк. И, опомнившись: — Ты что, псих? С тобой! А разве ты не со мной говоришь?

Волк стал озираться по сторонам.

— Как тебе сказать...

— Так и скажи.

— Нет, — сказал Заяц.

— А больше здесь никого нет!

— Так кажется.

— А кто же? — И Волк запрыгал по поляне, заглядывая за кусты и деревья.

— Я, — помолчав, сказал Заяц.

— Ффу!.. Заболел! — огорчился Волк. Сел и задумался. — Так. Есть его сегодня нельзя...

— Да почему же? — удивились под землёй.

— Как — почему?! — рассердился Волк. — Ты же заразный!
— Будет тебе, — рассмеялся Заяц. — Я и так вкусный. Ты любишь горчицу?

— А что?

— По мне теперь, чувствую, горечь пошла. От ушей и вот сюда, к ногам.

— Кого же теперь есть будем, а? — задумчиво спросил Волк.
Заяц, не торопясь, вылез из-под земли, сел рядом.

— Поросёнка! — сказал он.

— Поросёнка??

— Вообще-то я свинины не ем... — Заяц сморщился.

Волк пощупал ему лапой голову:

— Тут не болит?

— Нет.

— А тут?

Заяц помотал головой.

— Ну что ты будешь делать? — вслух соображал Волк. — Поросёнка отняли, этот — с горечью, а я — не евши!

И он повернулся к Зайцу:

— А может, ты это... ничего? Поверти ушами!

— Вот! — Заяц повертел.

— В общем... ты ничего, да?

— Да где ты лучше меня найдёшь? Раз! Рраз!

И Заяц стал делать зарядку.

— С чего ж ты обезумел-то? — спросил Волк.

— Раз-два! — Заяц, приседая, выкидывал лапы. — Я? Раз-два! От скорости!

— От чего-о?

— От скорости! Раз! Рраз! — И Заяц стал выбрасывать задние лапы прямо к Волчьей морде. — На больших! Скоростях! Живём!

Волк отскочил:

— И не боишься?

— Кого?

— Меня! — взвыл Волк. — Волка!!!

Заяц лёг на спину и тихонечко рассмеялся.

— Пси-и-х-х!... — пробормотал Волк и отошёл в сторону.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой Волк глядится
в косые Заячьи глаза

Волк отошёл в сторону, сел, пригорюнившись.

Заяц лежал, закинув передние лапы за голову.

Солнце то выходило, то пряталось за облаками.

— По телефону звонить умеешь? — лениво спросил Заяц.

— А кому звонить-то?

— Это мы найдём. Погоди-ка! — И Заяц нырнул под землю, вылез, протянул Волку крылья.

— Что это?

— От дедушкиного цирка осталось, — сказал Заяц. — Летал он. «Под куполом — Заяц!» называлось.

Заяц снова нырнул, подал Волку чепчик:

— Это от бабушки!

И снова исчез.

Волк стал рассматривать чепчик, крылья.

— Хорошие вещи, — сказал Волк.

Заяц появился в прозрачном дождевике с капюшоном. В этом одеянии он был похож на космонавта. Точно такой же костюм протянул Волку.

— Зачем это? — спросил Волк, натягивая плащ.

— А ты зачем на крылья-то напялил? Порвёшь. Крылья сверху надо. — И Заяц снова исчез.

— Зачем это? — охорашиваясь, повторил Волк.

— Сперва напялил, а потом — зачем? — Заяц уже стоял рядом, с телефоном на длинном шнуре в лапе.

— Я люблю вещи, — продолжая охорашиваться, говорил Волк. — Ведь всегда можно снять. Жаль, зеркала нет. Дай-ка я в твои глаза погляжусь. — И он стал вертеть перед собой Заяца. — Ну и глаза у тебя...

— Что?

— Косые.

— Какие есть, — сказал Заяц.

— Хорош! — любуясь собой, сказал Волк и поправил под капюшоном чепчик.

— Вот, набирай! — Заяц поставил перед Волком телефон.

— А куда звонить-то?

— 6-16-46! — продиктовал Заяц.

Волк стал крутить диск.

— Так, так, так... И?

— Спроси Дарью Ивановну.

— Шмелёву? — Волк бросил трубку.

— Да чего ты испугался-то?

— Не пойдёт! — сказал Волк и стал снимать крылья.

— Как хочешь! А то бы Поросёнком поужинали. Хороший Поросёнок, упитанный — я с ним сегодня разговаривал, — сказал Заяц.

— Умный, главное, — я с ним тоже говорил, — кивнул Волк.

— Так не будешь звонить? — вскользь, забирая телефон, спросил Заяц.

— А что я скажу-то?

— Скажешь... — И Заяц что-то зашептал Волку в ухо.

— Ну, ты психх!.. Да она же...

И Волк стал что-то жарко шептать в ухо Заяцу.

— А это? — взмахнул Заяц крыльями.

— А это? — показал Волк свой хвост.

— А ты... — И Заяц опять зашептал в Волчье ухо. — Да не бойся ты! Я рядом буду.

— Эх, была не была! — И Волк взял трубку. — Давай!

Заяц набрал номер.

— Ффу!.. — с облегчением вздохнул Волк. — Не подходят...

— Ничего, — сказал Заяц. — Набирай! Дозвонимся!

**ГЛАВА ВОСЬМАЯ,
из которой мы узнаём,
что дядь-Васю есть нельзя**

А в это время в доме у бабки Дарьи Ивановны, потрескивая, топилась печь. Поросёнок в мешке сидел на лавке, а сама бабка Шмелёва возилась у печи.

Большой чёрный телефон висел прямо на боку русской печки.

Бабка Шмелёва дочищала противень и тихонько пела:

КАК ПО ТРАВУШКЕ ЗЕЛЁНОЙ
ПАРЕНЬ, В ДЕВУШКУ ВЛЮБЛЁННЫЙ,
НОЖКАМИ ШЁЛ,
НОЖКАМИ ШЁЛ...

КАК ВО ОЗЕРО ВО СИНЕ
НЕВОД ШЁЛКОВЫЙ ЗАКИНУЛ
БЕЛОЙ РУКОЙ,
БЕЛОЙ РУКОЙ...

— Что это за песня, бабушка? — спросил Поросёнок.
— Отстань — не мешай!

КИНУЛ ПАРЕНЬ АЛЫЙ НЕВОД,
ТЯНЕТ, ВИДИТ — СИНЕ НЕБО
ВЫТЯНУЛОСЬ,
ВЫТЯНУЛОСЬ... — пела бабка. —

ЧТО Ж ТЫ, НЕБО, В НЕВОД ЛЕЗЕШЬ?
ЧТО Ж ТЫ, СИНЕ, ДАРОМ ЕДЕШЬ,
ОЙ, ПО ТРАВЕ,
ОЙ, ПО ТРАВЕ?..

— Ну вот, противень дочистила. Во как сверкает! Скоро Клавдя придёт, дядь-Васю приведёт, он тебя и...

— Не надо, бабушка! — крикнул Поросёнок.

— А как же? День ангела у меня. Кого есть будем?

— Дядь-Васю.

— Кто ж дядь-Васю ест? — рассмеялась бабка. — Он — жилистый.

— Тогда — Клавдю.

— Клавдя — дочь моя единственная, ей замуж идти, деток рожать. Её нельзя...

— Тогда... Тогда... — Поросёнок высвободил голову из мешка. — Никого есть не надо, если некого.

— А ты? Кругленький, розовый — для того и кормила! Вот только хренок дотру...

И Дарья Ивановна принялась тереть хрен.
— Я — маленький! — сказал Поросёнок.
— И то верно. К осени какой бы хряк вымахал...
И бабушка запела:

«МНЕ НУЖНА ЗЛАТАЯ РЫБКА», —
ПАРЕНЬ ГОВОРИТ С УЛЫБКОЙ
НЕВОДУ-ТО,
НЕВОДУ-ТО...
НУ, А НЕВОД ОТВЕЧАЕТ...

— Не режь меня, бабушка! —
крикнул Поросёнок.

Бабка Шмелёва только махнула на него рукой:

ДЕВИЦА ДУШИ НЕ ЧАЕТ,
ПАРЕНЬ, В ТЕБЕ,
ПАРЕНЬ, В ТЕБЕ...

Ну вот, хрен дотёрла...
Пойду дров принесу.

И бабка вышла, хлопнув дверью, и тут же зазвонил телефон и смолк.

— Телефон звонил, —
сказал Поросёнок, когда бабка вернулась.

— Что ж не послушал?

— А кто мне позвонит? — хмуро сказал Поросёнок.

— Послушал бы. — Дарья Ивановна свалила дрова

у печки. — Чай, не первый день живёшь. Небось, Клавдя с телефонной станции. Телефонисткой она у меня! Замуж за милиционера пойдёт.

— Знаю, — сказал Поросёнок.

— Вот и послушал бы. Ах, старая я, старая! — Бабка хлопнула себя ладонью по лбу. — Ум отшибло! Видать, задерживается она, Клавдя-то. Сама за дядь-Васей сбегаю, — и кинулась к двери.

— Не надо, бабушка! — закричал Поросёнок.

— Ага. Развязался. — Бабка вернулась, запихала Поросёнка в мешок, ушла.

И тут снова зазвонил телефон.

— Заяц! Друг мой единственный! Выручай! — заплакал Поросёнок. — Не слышит... Сейчас бабка с дядь-Васей придут, и всё...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в конце которой выясняется,
что и у ангелов
есть заместители

И тут затопали по крыльцу, распахнулась дверь, и бабка Шмелёва ввела жилистого мужика с ножом за поясом.

— Чикни его, Васюшка, — ласково сказала бабка, — да так, чтоб не шибко больно было — всё ж поросёночек!

— Божья тварь, — прогудел дядь-Вася.

— Не надо, бабушка!

— Ну-ну, нешто не знаем. Кому помирать хотца? — оглаживая мешок, басил дядь-Вася.

Бабка подмигнула Васюшке: мол, бери мешок.

Васюшка взялся.

— И-и-и!.. И-и-и.. — завизжал Поросёнок.
И тут снова зазвонил телефон.
— Погодь, Васюшка! Да смолкни ты! — крикнула бабка на Поросёнка. Сняла трубку, медовым голосом: — Аюшки!
И сразу услышала тёплый такой голос Волка:
— Дарья Ивановна? Бабушка? С праздником вас!
— Спасибочки!
— Желаю вам добра многого, счастья — светлого, главное же — здоровьица!
— Спасибочки! — пела бабка. — А кто...

— Готовитесь ли праздничку-то воздать? — перебил её Волк. — Печёте? Парите?

— Печём. Парим. А кто...

— А чего печёте, кого парите?

Бабка закрыла трубку рукой:

— Кто звонит-то, никак не пойму. Неужто Колька-племяшек, с Тулы приехавши?

А в трубку ласково:

— Печём печёное, парим пареное... Да кто...

— Поросёночка-то не зарезали?

— Нет ещё, собираемся. Да кто говорит-то?..

— А что поёт-то он у вас, правда ли?

— И-и-и!.. — завизжал Поросёнок.

— И счас кричит. Да...

Бабка махнула дядь-Васе: мол, брось ты его, иди сюда.

— Мы вот тут пролетали давеча, — гудела трубка.

— Да говорит-то кто?

— С помощничком... Он мне и сказал: необыкновенный, говорит, Поросёночек про-

живает в этой местности у Дарьи Ивановны...

— Кто со мной разговаривает?!

— Залетим, говорит, проведем. Твой день как раз у неё, — вот обрадуется!

— Отвечай! — крикнула бабка.

— Ангел твой, Дарьюшка, — ласково сказал Волк.

— Господи-святы! Ангел звонит! — Бабка выронила трубку, сползла на пол.

— Техника!.. — изумлённо прошептал дядь-Вася.

— Алё! Алё! Дарьюшка! — гудела трубка. — Поросёночка не
зарезывайте! Мы счас... с помощничком... — Трубка тоненько
запищала гудками отбоя.

И бабка Шмелёва — на полу, и Поросёнок, высвободивший-
ся из мешка, — на лавке — все глядели теперь на дядь-Васю.

Дядь-Вася с трубкой в руках стоял посреди избы, глубоко
задумавшись.

— Вишь, — наконец вымолвил дядь-Вася, — и у них тоже —
заместители...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, необыкновенная!

Дом бабки Шмелёвой сиял чистотой.

Поросёнок, как генерал, с голубой лентой через плечо, в шапке с пёрышком, сидел на лавке.

Бабка в праздничном платье носилась по дому, переставляя стулья, табуретки, оглаживая салфеточки.

Дядь-Вася у порога начищал сапоги.

— Эх, — плюнул на щётку, — гуталину бы!

— Где ж его взять, раз нету! — Бабка подскочила к Поросёнку, сунула ему кружку. — На-ка вот, попей молочка — горлышко прочистится!

— Не прочистится. Сорвал я голос, — хмуро сказал Поросёнок.

— Всё ты так: как вопить — ты здесь, а как спеть — нет тебя.
— Чай, не кому-нибудь — ангелу петь будешь, — встрял дядь-Вася.

— Вас бы несли резать, а потом — пой!

— Смотря бы когда, а то б и запел. Вот, помню, на фронте, — дядь-Вася распрямился, — пурга, пули свистят, а мы — поём.

— Так то же на фронте, а вы меня в мирное время чуть не зарезали.

— Ты подумай головой-то. — Бабка встала перед Поросёнком. — Разве ты солдат? Ты — поросёнок.

— Раз так — сами пойте.

— Да ты уразумей: ангел, он раз в сто лет является!

— Иль в триста, — сказал дядь-Вася.

— Да что же грязь-то у нас такая! И потолок закопчённый... — заохала бабушка.

— Не расстраивайся, Ивановна. Он всякое видел. Что ему твой потолок?

— А он — птица? — спросил Поросёнок.

— Небесная, — благоговейно сказала бабка.

— Он всякое обличье принять может. — Дядь-Вася дочистил сапоги, убрал щётку. — Вот бабке моей, когда она ещё маленькой была, бабка сказывала: иду это, говорит, я по полю... вдруг — свет необыкновенный!..

И тут — распахнулась дверь, и в избу влетели запыхавшиеся Волк с Зайцем. На обоих — как скафандры инопланетян, прозрачные плащи с капюшонами, за спиной — крылья; у Волка — под капюшоном на голове чепчик.

— Успели, — тихо сказал Волку Заяц.

— Угу, — гукнул Волк.

— Здравствуйте! Мир дому! — сказали они вместе.

Поросёнок на лавке вытаращился.

— Господи! — еле выдохнула бабка.

— Ты? — одними губами спросил Поросёнок.

— Тсс! — шепнул Заяц.

А дядь-Вася — бочком-бочком, к печке и — за кочергу.

— Кха-кха, — кашлянул Волк.

— Вот. — Заяц встал на одно колено, подал кружевной платок. — Ваш платочек.

Волк потряс платком перед мордой, отдал Зайцу.

Заяц почтительно принял, засунул за пояс; затем опустившись на оба колена, поставил перед Волком табуретку.

Волк грациозно сел, закинул лапу за лапу.

И тут... из-под плаща — вывалился хвост.

Волк заёрзал, пытаясь засунуть его обратно...

Но Заяц медленно встал, плавно обошёл Волка, опустился на одно колено, достал расчёску...

Бабка разинула рот.

А Заяц стал почтительно расчёсывать Волчий хвост.

Звеня, выпала из рук дядь-Васи кочерга.

— Извиняемся. — Дядь-Вася поставил кочергу в угол.

Бабка сползла с табуретки, пала ниц:

— Прости меня, грешную что подумала-то!.. Как же ты, ба-
тюшка, Волком-то стал?

— Известное дело. — Заяц неторопливо чесал Волчий
хвост. — С небес — прямо в лес, а в лесу, сами знаете, быстро
съедят. Пришлось им Волком сделаться.

— А... — И бабка поглядела на Зайца.

— А меня — в Зайцы. Чтоб вера была. Разве Волк с Зайцем
вместе ходют?

— Ффу-у!.. — выдохнул дядь-Вася.

— Что ж ты, Дарьюшка, ангела свово так встречаешь? —
ласково спросил Волк.

— Прости, грешную! — Бабка стукнула лбом об пол, вско-
чила, побежала по дому, собирая на стол. — Вот он мой песен-
ный! — погладила Поросёнка. — А голос-то у него, голос! Все
уши прожужжал!..

— Помню, вышли мы тоже из лесу, — конфузясь за кочергу,
сказал дядь-Вася. — Свои, говорим, свои! А хозяйка с деть-
ми — за печку, и молчит...

Волк из-под чепчика строго поглядел на Поросёнка.

— Пой! — сказал он.

— А что... петь-то?

— Да пой же ты! — знаками стал показывать Заяц.

— Что хошь, — сказал Волк.

— Пой, когда тебе говорят! — вскрикнула бабка.

— Утрешнюю, — шепнул Заяц.

я — ПОРОСЁНОК!

я — ПОРОСЁНОК!

ОТ БАБКИ ДАРЬИ Я СБЕЖАЛ!.. — спел Поросёнок.

— А почему ты от Дарьи Ивановны, бабушки своей, сбёг? —
строго спросил Волк.

— Ангел! — всхлипнула бабка.
— Отвечай, раз спрашивают.
— Не буду.
— Кто ж ангелу-то небесному грубит? — встрял дядь-Вася.
— И вот из-за этого... — показал Поросёнок на Волка, — вы меня чуть не съели? Это же Волк, а это — Заяц, я с ним утром подружился!
— Не говори, чего не поймёшь! — крикнула бабка. Обернулась к Волку. — Извиняйте его...
Заяц за спиной Волка крутил лапой у виска, тряс ушами.
— Отвечай! — велел Волк. — С тобой разговаривают.
— Зарезать она меня хотела — вот почему!
— Что ж делать-то? — Волк нахмурился. — Голос хороший — да неслух! Ну что, будем показывать?
— Где? — спросил дядь-Вася.
— Там. — Заяц поднял лапу. — Это уж как вы решите, — с поклоном сказал Волку.
— Да ты частушку, частушку спой! — засуетилась бабушка.
— Спой! — шепнул Заяц.

МИМО УТОЧКИ ПЛЫВУТ,
СЕРЕНЬКИЕ, КРЯКАЮТ, — запел Поросёнок. —
МОЮ МИЛУЮ ВЕЗУТ,
ТОЛЬКО СЕРЬГИ БРЯКАЮТ!

— Их! Их! — пошла было в пляс бабка, но — осеклась.
— Ах, подлец! Хорошо! — крикнул дядь-Вася.
— Хорошо-то хорошо, а — неслух. Не знаю прямо, как и быть, — сказал Волк.
— Да он от смерти спасался, батюшка!
— Он — сурьёзный.
— Ну, если так...
— Вам пора! — сказал Волку Заяц. — Где мешочек-то? — обернулся к бабке.

— Вот он, вот он, — засуетилась Дарья Ивановна. — Да что ж вы, гости дорогие? И не съели ничего, не выпили... День-то какой, какой день!

И бабушка встала перед Волком на колени:

— Когда я вас теперь уви-и-ижу-то?..

— Я-то залечу, если что, — засовывая Поросёнка в мешок, сказал Заяц. — Вдруг не понравится. А уж они...

Волк стоял посреди избы, величественно закинув голову.

— Кричи, чтоб оставили, — шепнул Поросёнку Заяц.

— Бабушка, не отпускайте меня! И-и-и!.. Что я вам сделал-то?..

— Чудак! — огладил Поросёнка в мешке дядь-Вася. — Что ж ты кричишь? Чай, не в жаркое — на небо ведь!

— Тихо! — крикнул Заяц и вспрыгнул на табуретку. — А теперь пусть Ангел и простая русская бабушка скажут друг другу слова прощания!

— Прощай, Дарьюшка! — ласково сказал Волк.

— Ангел мой! — не подымаясь с колен, запричитала бабушка. — За молви хоть словечко-то! Не пожила я ещё, как следоват быть: то война, то то, жисть, ведь она только начинается! Вот и телевизор у меня, и всё. Дочку замуж выдаю — пусть у неё

всё будет, а? Чтоб жених ейный, чтоб не пил, чтоб детки пошли, чтоб...

— Ну, ну, будет, — бормотал Волк.

— И ты, кум, проси, — потянула бабка дядь-Васю за руку. — Ведь когда такое бывает?

— Не бывает такого, — твёрдо сказал дядь-Вася. И встал было уж на колени, но — распрямился. — Уж пусть хоть твоё, Ивановна, сполнится.

— Бери мешок! — шепнул Волку Заяц.

Волк взвалил мешок с Поросёнком на спину:

— Ну, прощай, Дарьюшка, может, и свидимся!

«Вот уж не дай-то!» — подумал Волк и незаметно три раза поскрёб когтем по дереву.

— Бабушка! И-и-и!.. — визжал Поросёнок.

— Прощай, Поросёночек! Не осрамись!

— Держи фасон! — гудел вслед дядь-Вася.

А Заяц задом открыл дверь, пропустил Волка и, кланяясь, испарился.

— Ну, времена пошли, — пробормотал дядь-Вася. — Ангелá волками бегают!..

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой Волк ищет
Зайца в складочках

Волк с Зайцем выскочили из дома бабки Шмелёвой, перебрались через овраг и выбежали на поляну к дереву, на котором спасался от Волка Поросёнок.

— Ффу-у!.. — Волк опустил мешок с Поросёнком на траву. Садилось солнце, и лес с одной стороны был весь золотой.

— Хоть к вечеру, а поем, — сказал Волк и стал снимать скафандр, крылья. — Заяц! — позвал он. — А где же Заяц? Неужто сбёг?

— Нет, — сказал из мешка Поросёнок.

— Что — нет?

— Нельзя меня есть без Зайца.

— Что же мне теперь, ждать его?

— Подожди, — сказал из мешка Поросёнок. — Обещался ведь!

— Не могу. — Волк развязал мешок, аккуратно свернул верёвочку, положил на траву.

— Тсс!.. — высунулся Поросёнок.

— Ты что? — удивился Волк.

— Он — здесь, — шёпотом сказал Поросёнок.

— Кто?

— Заяц.

— Где?

— В мешке.

— В мешке?!

— Тсс! Он спит. Умаялся: целый день бегал.

— Да как он туда попал?

— Притомился бежать — и залез. Устал, говорит, сил моих нет.

— А ты?

— Я подвинулся.

— Ладно, — сказал Волк. — Пусть спит. Я его потом съем, — и как-то по-лиси захихикал.

— Нечестно это, не по-товарищески, — сказал Поросёнок.

— А мы и есть — волки.

Волк достал из-за пазухи нож, повязал на шею дырявую салфетку, стал точить нож:

— Так о чём мы с тобой тогда говорили?

— Когда?

— Когда ты на дереве сидел.

— А-а... — Поросёнок, вспоминая, поднял к небу пяточок. — Вот. О надежде! Давай я тебе о ней песню спою.

— Что ж. — Волк придвинулся.

НАДЕЖДА, Я, —
отодвигаясь, запел Поросёнок, —
ОСТАНУСЬ ЦЕЛ...

Волк придвинулся совсем близко.

— Заяц! И-и-и!.. — завизжал Поросёнок.

— Верно. Заяца надо будить, — сказал Волк. — Посмотрим, как он Поросёнком отужинает. За-яц! — закричал Волк.

— Не буди его, Волк!

— Ты что? Сам кричишь, а мне — не буди!

И Волк заорал ещё громче:

— За-яц!

— Не буди, а?

— Нельзя, — строго сказал Волк. — Обидится. Он уже, считай, с полудня в хищники перешёл. Ну, где он там?

И Волк заглянул в мешок, а в это время у него за спиной из-за дерева появился Заяц.

— Там, — показал Поросёнок. — В уголочке: спит.

— Я здесь... — тихонечко так из-за дерева сказал Заяц.

— Где? Да не мешайся ты! — Волк вынул Поросёнка из мешка.

— Там. В левом уголочке. В складочках, — сказал Поросёнок.

— Здесь я, а-а!.. — зевнул Заяц. — Здесь!..
— Однако отошал ты, брат, в помощничках — совсем не
видать. Где? — И Волк засунул голову в мешок.
— Там он, там, в складочках...
Волк залез в мешок, высунул голову.
— Ты только не вздумай бежать! — сказал Поросёнку.
— Куда я побегу?..
— Жди здесь! — строго сказал Волк и пропал в мешке, толь-
ко Волчий хвост остался снаружи. — Да где же ты, Заяц?
Заяц на цыпочках подошёл к мешку, подобрал верёвочку:
— Здесь я!
Волк из мешка стал ощупывать Зайца:

— Ты...

— Я... Бери верёвку! Вяжи петлю, —
шепнул Заяц Поросёнку.

— Это — уши, — ощу-
пывая Зайца, сказал
Волк.

— Ушки, — ска-
зал Заяц.

— Ноги...

— Ножки. Хи-хи-
хи-хи! — захихикал
Заяц.

— Ты чего?

— Щекотно.

— Петля готова, —
шепнул Поросёнок.

И они вдвоём
опрокинули Вол-
ка и завязали ме-
шок.

— Хвост! —
взвыл Волк.

— Хвостик, — играя торчащим из мешка Волчьим хвостом, сказал Заяц.

— Хвост прищемился! — выл Волк.

— Ты к себе его тяни, к себе, — сказал Заяц и ослабил петлю. Волчий хвост скрылся в мешке.

— Ффу-у!.. Ты где? — вздохнул Волк.

— Здесь, — сказал Заяц.

— А Поросёнок?

— Здесь я, здесь...

Заяц с Поросёнком давились от смеха.

— Я что-то вылезти не могу, — ворочался в мешке Волк.

— И я...

И тут все услышали топот и крики.

— Что это? — завыл Волк.

— Бежим! — шепнул Поросёнку Заяц.

И они взлетели на дерево и втянули за собой лесенку.

— Это бабка Шмелёва — я чую! — выл Волк. — Заинька!

Поросёночек! Спаси-и-ите!..

И Волк рухнул и застыл посреди поляны.

**в которой
всё хорошо кончается**

А на поляну влетела Ворона, за ней — бабка, следом — дядь-Вася.

— Кар-р-р! Кто? Куда? Откуда? — заорала Ворона.

Бабка остолбенела:

— Шмелёва! Из дома! За Поросёнком!

И дядь-Вася, вытянувшись, доложил:

— Кум ейный! С дому! С ими!

И повёл глазами на бабушку.

— Каррр! Так бы и говор-р-рили!

И Ворона громко захлопала крыльями, но не улетела.

А бабка пала на мешок с Волком, запричитала:

— Вот он, мой кругленький! Вот он, мой соловушка розовенький!

— Каррр! — закартавила Ворона. — Ррразнюнилась!

— Ухх!.. — вздохнул в мешке Волк.

— Жив! Жив родненький! — пела бабка. — Убежали супостаты, бросили! Ведь указывал! И как же это я, несуразная, резать-то тебя, соловушку мою розовенькую, решила? Хорошо — Клавде позвонила, дочке своей...

— Не плачь, Ивановна...

— Жених-то ейный — милиционер, — пела бабка. — Ка-зённый человек — враз сказал: не может ангел наследить в избе, не оставит птица небесная грязи по полу... Дитятко ты моё ненаглядное!.. Скажи что-нибудь!.. Хоть слово, хоть полсловушка!..

— Ррас-квохталась! — прохрипела Ворона.

Волк тяжело вздохнул.

— Дышит, — сказал дядь-Вася. — Ну... Ну... Будет, Дарьюшка... Нашёлся — и хорошо.

— И кормила-то я тебя очистками, и поила-то кой-чем — помоями, — причитала она, — всё съесть собиралась, резати!..

— Не убивайся так-то, Ивановна, — опять встрял дядь-Вася. — Простит он тебя, — и обратился к Вороне: — Как скажете?

— Должон! — крикнула Ворона. — Своя кррровь... Не удер-р-р-жится!..

Поросёнок с Зайцем глядели на всё это с дерева.

— Спустишь я, — шёпотом сказал Поросёнок.

— Погоди, — шепнул Заяц.

— Что ж он, Васюшка? Что ж молчит-то? — оглянулась на дядь-Васю бабка.

— Сердится, — сказал дядь-Вася.

— Ррразвязывай! — крикнула Ворона.

— И то, Васюшка.

— Спустишь я, — прошептал Поросёнок.

— Погоди!

Дядь-Вася встал на колени:

— Не развязывается... Эх, счас бы ножичек!..

— Стой! — вдруг совсем другим голосом сказала бабка. — А может, он эта... голос потерял? — и пнула мешок ногой. — Отвечай!

— Может, от страха обезголосел... Вот тоже, помню, у нас на фронте... — начал было дядь-Вася.

— Раз так — по-другому всё поворачивается, — перебила его Дарья Ивановна железным голосом. — Бери его, Вася! Если бы он петь мог — одно, а так — кому нужен?

— Допрыгались! — прохрипела Ворона.

— Видишь? — прошептал Заяц.

— Значит, врала она всё: не я ей нужен... Охрипну — зарежет...

Поросёнок заплакал.

А дядь-Вася тем временем взвалил мешок с Волком на спину.

— Тяжело, Дарьюшка! Силов нет!

— Да как же? Я аккурат с энтого места намедни выволокла!

— Всё. Не люблю я её и никогда не полюблю больше! — сказал Поросёнок.

— Ох, тяжело! — И дядь-Вася сбросил мешок с Волком на траву.

— Ухх!.. — щёлкнули Волчьи зубы.

— Звякает! — обрадовалась бабка. — Слышь, Вась, а может, там... золото?

— Ка-ак же? Ка-ак же? — встряла Ворона.

— Ага! Хряка взяли, замест него золото положили! — гудел фронтовик. — Всё ж — поющий!

— Развязывай!

— Ых, не идёт!

— Ты ногтем, ногтем!.. Зубами, Вась!

Дядь-Вася склонился над мешком,
поддел наконец верёвку, и...

Из мешка вылетел Волк:
— РРРРР!!!

Глаза его горели, зубы — сверкали, но хвост Волк, на всякий случай, поджал, потому что все волки боялись Дарью Ивановну.

Что тут началось!

Заметались, запрыгали, дядь-Вася пальнул из ружья, чуть не убил Ворону, и — разлетелись в разные стороны: бабка — в одну, дядь-Вася — в другую, Ворона — по земле ножками — в третью. А Волк постоял немного, взмахнул лапами и — улетел по воздуху.

Чуть погода Поросёнок с Зайцем спустились по лесенке:
— Заяц!

— Поросёнок!

И — обнялись.

— Не зря, выходит, мы с тобой землю ели! — сказал Заяц.

— А как же бабушка? — всхлипнул Поросёнок.

— Брось, не реви! Представляешь? — сказал Заяц. — Не-разлучные друзья — Заяц с Поросёнком — живут в лесу. Сколь-ко у нас ещё приключений будет!

— А если я превращусь в кабана?

— Ни в жисть! У тебя же — душа. — И Заяц погладил поро-сячий живот. — И — сердце! А у кабана — что?

— Что?

— Одни клыки и, как говорил мой дед-циркач, никакой фантазии!

— А что мы ребятам скажем? Для чего мы им эту историю рассказали?

И тут влетела недострелянная Ворона:

— Что ска-ажем? Что ска-ажем? — закаркала она. — А чего гово-р-р-р-ить-то? Сами читали, сами всё слышали!

И — улетела.

— А ты? — спросил Поросёнок. — Ты что скажешь?

— Я? Я... скажу! **НЕ ССОРЬТЕСЬ БЫСТРО**, — высунув голову из книжки, сказал Заяц. — **ССОРИТЬСЯ НАДО МЕД-ЛЕННО. ЧТОБЫ НИЧЕГО-НИЧЕГО НЕ ПРОПУСТИТЬ. А ТО — ПОССОРИШЬСЯ, И УЖЕ — ВСЁ, И УЖЕ В ССО-РЕ, И — НИЧЕГО НЕ ВЕРНУТЬ!**

— **НЕ ТОРОПИТЕСЬ! МЕДЛЕННО ССОРЬТЕСЬ!** — ска-зал Поросёнок. — **ЧТОБЫ УСПЕТЬ ПОМИРИТЬСЯ!**

И они заплясали, запели:

ЗАЯЦ С ПОРОСЁНКОМ,
ПОРОСЁНОК С ЗАЙЦЕМ
ВМЕСТЕ ЕЛИ ЗЕМЛЮ,
ПОТОМУ — ДРУЗЬЯ.
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ПЕСНИ,
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ДРУЖБЫ,
А УЖ ДРУГ БЕЗ ДРУГА —
НАМ СОВСЕМ НЕЛЬЗЯ!

ПОБЕЖИМ ПО НЕБУ,
ЕСЛИ БУДУТ ЛУЖИ.
ПОБЕЖИМ ВПРИПРЫЖКУ,
ПО ТРАВЕ СКОЛЬЗЯ, —
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ПЕСНИ,
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ДРУЖБЫ,
А УЖ ДРУГ БЕЗ ДРУГА —
НАМ СОВСЕМ НЕЛЬЗЯ!

ПРИХОДИТЕ СНОВА,
И ДЛЯ ВАС МЫ СНОВА,
СНОВА — СЛОВО В СЛОВО —
СКАЖЕМ — ОН И Я:
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ПЕСНИ,
НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ДРУЖБЫ,
А УЖ ДРУГ БЕЗ ДРУГА —
НАМ СОВСЕМ НЕЛЬЗЯ!

И друзья выбежали из книжки и поклонились читателям:
— Благодарим за внимание!
А на последнюю страницу прилетел Волк, сел, как птица,
на ветку и хрипло сказал:
— Приходите ещё!

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО
И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Сергей Григорьевич Козлов
ПОЮЩИЙ ПОРОСЁНОК
Сказка

Ответственный и художественный редактор

А. Б. САПРЫГИНА

Технический редактор

Н. Г. МОХОВА

Корректор

Л. А. ЛАЗАРЕВА

ЛР № 071328 от 9.08.96.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 20.03.97.

Формат 84x108 1/16. Бум. офс. № 1.

Гарнитура таймс. Печать офсетная.

Усл.печ.л. 8,4. Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 20 000 экз.

Заказ № 5540. С — 149.

Издательский дом «Росмэн».

125124, Москва, а/я 62.

1-я ул. Ямского поля, 28.

Отдел реализации: (095) 257-46-61.

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени

ГУПП «Детская книга» Комитета РФ по печати.

127018, Москва, Сушевский вал, 49.

ISBN 5-257-00150-0

© С. Козлов. Текст, 1997

© В. Коркин. Иллюстрации 1997

© «Росмэн». Макет, 1997

18 50

